

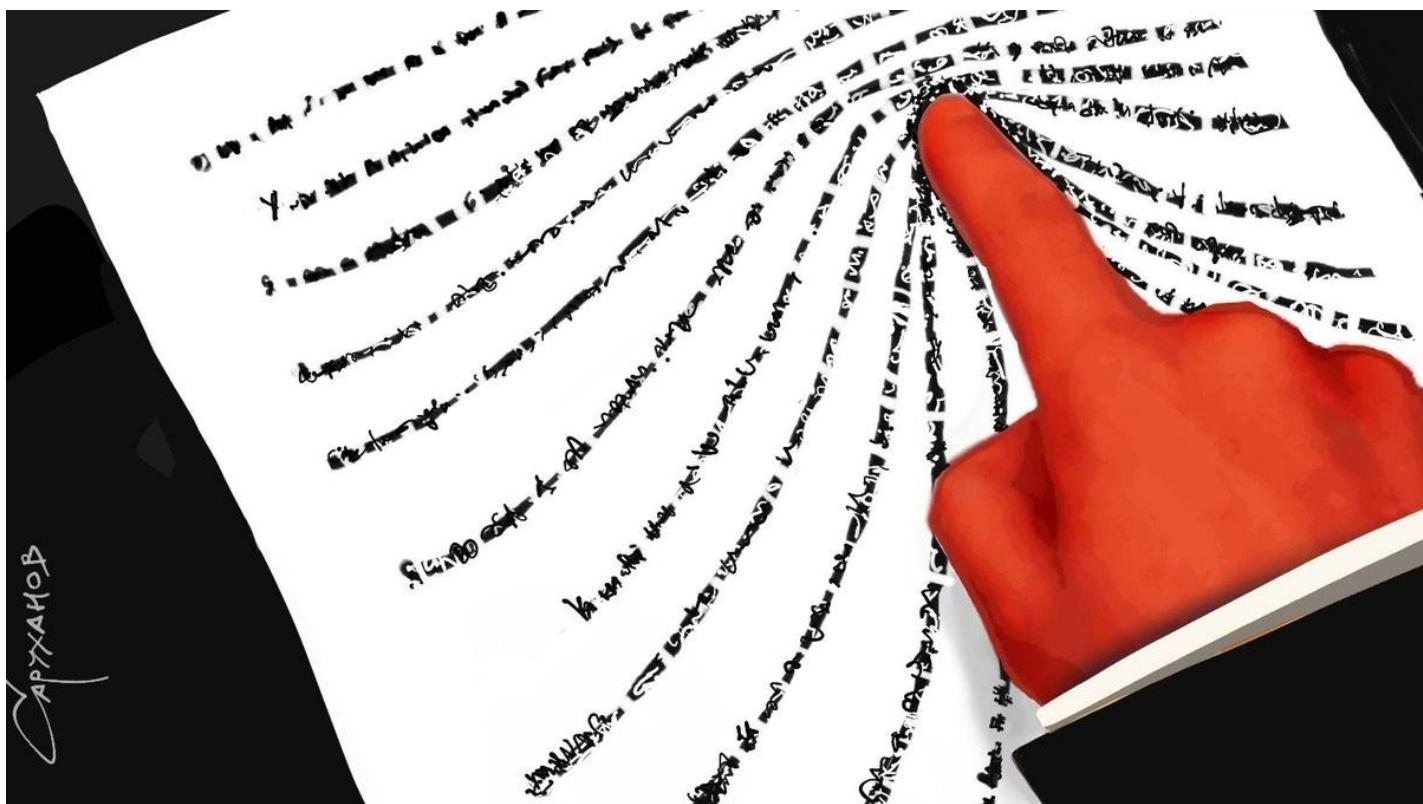

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ · КУЛЬТУРА

Списанные-2

Писатели-«иноагенты»: рассуждения о том, зачем их включали в список и что пошло не так

Петр Саруханов / «Новая газета»

09:41, 12 октября 2024,

Виктория Артемьева

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

На сегодня в реестре иноагентов значится уже больше 40 имен писателей, поэтов, публицистов и вообще авторов, выпустивших хотя бы несколько собственных книг, плюс один основатель независимого издательства. Кажется, не «списанным» не остался ни один по-настоящему крупный российский автор, которого знали бы и здесь, и за границей, чьи книги хранились бы во всех библиотеках страны. Кстати, библиотекарей эта тотальная перепись заставила задуматься о многом: в статье «Новые приключения Эраста Фандорина в библиотечных фондах: практика работы библиотек с произведениями иноагентов» («Университетская книга», авторы — Петрусенко и Эйдемиллер) сотрудники РНБ продолжают жаловаться на то, что никто до сих пор не дал четкого приказа, выдавать «вредные» книги читателям или нет. Как мы помним, законопроект о том, чтобы вычистить библиотеки от «иноагентской» литературы, уже начинали принимать летом, но с тех пор он так и застрял на этапе первого чтения — видимо, из-за неразрешимых юридических противоречий, которых в его тексте **многовато**.

Но речь сейчас не о тоскующих в ожидании команд библиотеках. Массовость переписи литераторского населения и значимость оказавшихся в списке имен — это повод подумать о том, чем вообще стал для нас статус писателя-«иноагента» и как отношение к нему изменилось за последние три года.

Что хотели сделать

В романе Дмитрия Быкова* «Списанные» сюжет строится вокруг того, что случайных людей вносят в какие-то непонятные списки, а они не знают, за что, с какой целью и по каким критериям. Они не знают даже, что им за это будет: расстреляют или наградят. Реестр «иноагентов» — вместе с принципами, по которым он формируется, — нечто очень

похожее на продолжение этого романа, такие «Списанные-2».

Статус «иноагента» сейчас принято сравнивать с советским клеймом «врага народа» (или — как вариант — «изменника родины»), которое навешивалось так же случайно и безосновательно, как теперь это происходит с «иноагентством». Раньше основанием — хотя бы формальным — для внесения в этот реестр было «финансирование из-за рубежа», причем сумма этого финансирования значения не имела, можно было получить и 200 рублей. Теперь критерии признания «врагом» совсем уж размыты: в список может попасть не только тот, кто никаких денег из-за границы не получал, но и тот, кто — как писатель Александр Генис*, например — вообще не имеет российского гражданства.

Комментируя свой новый статус, Генис вспомнил, что его деда в свое время признали «врагом народа» с формулировкой «агент зарубежного империализма». Найдите, так сказать, десять отличий.

Но все-таки между нынешними «иноагентами» и тогдашними «изменниками родины» есть одно значительное различие: клеймо врага тогда, в годы революции и большого террора, было синонимом ареста и расстрела. Сейчас только несколько писателей-«иноагентов» — как, например, Борис Акунин* и Михаил Зыгарь* — находятся в феерически абсурдном статусе арестованных заочно. То есть навешивание ярлыков сейчас изменило свою цель: смысл признания «иноагентом» не в том, чтобы реально поставить под угрозу жизнь людей, а в том, чтобы их классифицировать.

Категоризация (унификация, разделение на классы, разряды,

виды) удобна тем, что дает разделяющим ощущение порядка: вот, мол, у нас все ходы записаны, все маски сорваны, у нас вот этот враг — в этой клеточке, а тот — в той, мы всем управляем, всё можем, в стране полный порядок. С другой стороны, навешивание ярлыков удобно для них еще и тем, что человек с таким клеймом — а тем более человек настолько тонкой душевной организации, как писатели с поэтами — может чувствовать себя прокаженным: ни в чем не виноват, но имя запятано.

Отсутствие вины доказать нельзя, потому что непонятно, на чем строится обвинение, оспаривать статусы в суде бесполезно, зато, оставаясь в России, постоянно приходится отчитываться перед «верхами» в собственной деятельности — и невозможно расплатиться банковской картой даже с таксистом, потому что вдруг его после этого осудят за помочь «иноагенту». А если автор в стране не остался, то все равно психологический эффект от внесения в реестр может получиться вполне убедительным: писатель-«иноагент» как бы говорит не от своего имени, а от имени какого-то западного заказчика, «отрабатывает грант», принадлежит к загадочному «иноагентскому» ордену — то есть, иначе говоря, вносящие в реестр пытаются максимально растворить личность конкретного автора в каком-то абстрактном коллективе «врагов». Для писателей, у которых взгляд на мир по определению индивидуалистичен (это требование профессии), такая гребля одной гребенкой может ощущаться болезненно.

Но в первую очередь, конечно, списки формируются явно не для тех, кто их составляет, и не для самих «списанных», а для читателей.

Всевозможные реестры — не только «иноагентский», но и «экстремистский»,

например — выглядят очередной попыткой государства все решить за «народ», выстроить четкую систему координат: вот это плохо, это хорошо, вот там враги, тут «СВОи», все просто, а думать вредно.

В своей [недавней статье](#) о нефеодализме обозреватель «Новой» Елена Панфилова описала, как строится сейчас система взаимодействия российской власти с «народом»: как выстраивается четкая сословная вертикаль, как блокируются способы перехода из одной социальной касты в другую, как государство, пролезая в школьные программы (и по литературе тоже), формирует новое крепостничество. Так вот формирование касты «иноагентов» — по-моему, прямое продолжение этой нефеодальной политики: с одной стороны, общество начинает четко делиться на «своих» и «чужих», на «плохих» и «хороших», а с другой — степень «плохости» и «хорошести» авторов становится предопределенной, их присутствие в культурной жизни всеми способами ограничивается, и в итоге читатель, особенно не разбирающийся в политике, оказывается замкнут в том культурном пространстве, которое ему отгородило государство.

Фото: соцсети

Что сделали

Но все вышеперечисленное — это возможные цели «списочной» политики (по крайней мере, такими их себе представляю я). Эффекты от этой политики, мягко говоря, слегка отличаются от того, чего явно хотелось бы достичь тем, кто ее проводит. Наверное, многие сталкивались с тем, как по пятницам фейсбук** начинает заполняться радостными комментариями, поздравляющими новых «иноагентов» с присвоением им почетного звания, и словами про то, что наконец-то все порядочные люди в сборе. Это эффект, который Минюст вряд ли мог планировать: пятничные списки «иноагентов» уже давно воспринимаются как премиальные, а само «иноагентство» стало чем-то вроде звания заслуженного артиста (выше только народный, то есть «экстремист и террорист»). Причем эти вполне четкие аналогии появились уже три года назад — уже

тогда в писательской среде слышались претензии вроде: «А почему его признали, а меня нет? Я что, так плохо пишу?»

За три года это отношение к «иноагентству» как к званию сохранилось, хотя и сильно поблекло — слишком уж расширился список. Теперь гораздо чаще встречаешь другую реакцию: «Х иноагент? Как это нет? До сих пор?!» Искреннее удивление некоторых авторов, издателей, публицистов: «меня почему-то до сих пор не признали» — и само по себе стало нормой, и показало, что классификация литераторов по принципу «свой — чужой» тоже уже воспринимается нормально, а вот выпадение из этой классификации, наоборот, считается отклонением.

Все это напоминает теперь скорее не клеймение «врагов народа», а деление на пролетарских и непролетарских писателей в 20-е годы XX века. И тогда, и сейчас борьба между классово чуждыми и классово близкими развертывалась на страницах книг и периодики — и как тогда, сейчас интерес к литературе оказывается как никогда острым, потому что книги и СМИ стали полем боя. Самое большое различие между двадцатыми столетней давности и сегодняшними только в одном: тогда Гражданская война из жизни перешла на страницы литературы, а теперь она, судя по всему, с печатного слова начинается.

АВТОРЫ-«ИНОАГЕНТЫ» (НА 11 ОКТЯБРЯ 2024 ГОДА)

Александра Архипова — с 27 мая 2023 года

Аркадий Бабченко — с 7 апреля 2023 года

Илья Барабанов — с 12 апреля 2024 года

Наталья Баранова — с 6 мая 2022 года

Дмитрий Быков — с 29 июля 2022 года

Виктор Вахштайн — с 22 апреля 2022 года

Михаил Веллер — с 5 апреля 2024 года

Борис Вишневский — с 29 мая 2024 года

Александр Генис — с 27 сентября 2024 года

Линор Горалик — с 18 августа 2023 года

Дмитрий Глуховский — с 7 октября 2022 года

Борис Гребенщиков — с 30 июня 2023 года

Сергей Гуляев — с 27 сентября 2024 года

Екатерина Дудко (псевдоним — **Катерина Сильванова**)
— с 3 февраля 2023 года

Михаил Зыгарь — с 21 октября 2022 года

Борис Кагарлицкий — с 6 мая 2022 года

Анастасия Казанцева (псевдоним — **Ася Казанцева**) — с
12 апреля 2024 года

Владимир Кара-Мурза — с 22 апреля 2022 года

Олег Кашин — с 3 июня 2022 года

Андрей Колесников — с 23 декабря 2022 года

Юлия Латынина — с 9 сентября 2022 года

Андрей Макаревич — с 25 ноября 2022 года

Александр Минкин — с 12 января 2024 года

Ростислав Мурзагулов — с 9 декабря 2022 года

Анна Наринская — с 16 февраля 2024 года

Александр Невзоров — с 22 апреля 2022 года

Сергей Пархоменко — с 22 апреля 2022 года

Владимир Пастухов — с 5 мая 2023 года

Евгений Понасенков — с 1 апреля 2022 года

Елена Прокашева (псевдоним — Елена Малисова) — с 3 февраля 2023 года

Олег Радзинский — с 1 сентября 2023 года

Александр Роднянский — с 21 октября 2022 года

Мария Сабунаева — с 15 апреля 2022 года

Алексей Семенов — с 15 апреля 2022 года

Дарья Серенко — с 27 января 2023 года

Татьяна Сотникова (псевдоним — Анна Берсенева) — с 18 августа 2023 года

Людмила Улицкая — с 1 марта 2024 года

Андрей Филимонов — с 8 апреля 2022 года

Иван Филиппов — с 12 апреля 2024 года

Григорий Чхарташвили — (псевдоним — **Борис Акунин**) — с 13 января 2024 года

Виктор Шендерович — с 30 декабря 2021

Екатерина Шульман — с 15 апреля 2022 года

Тамара Эйдельман — с 9 сентября 2022 года

Александр Эткинд — с 27 сентября 2024 года

+ основатель Freedom Letters **Георгий Урушадзе** — с 27 сентября 2024 года.

Совсем немного осталось не «иноагентов» из тех, кого читают. А тех, кто «свои», так их мало кто знает, если только они про попаданство не пишут.

* Внесены властями РФ в реестр иноагентов.

** Входит в компанию Meta, признанную экстремистской и запрещенную в РФ.